

общемъ итогѣ всѣ эти революціонные эксцессы соотвѣтствуютъ, по мнѣнію г. Сикорскаго, массовой истеріи, той самой истеріи, которая, какъ это показываетъ исторія крестовыхъ походовъ и такъ называемыхъ „психическихъ эпидемій“, нерѣдко принимала широкіе размѣры, охватывая цѣлыя провинціи и страны. Улучшенныя же средства сообщенія—желѣзные дороги, почта и т. п.—могутъ облегчить распространеніе истерическихъ эпидемій гораздо болѣе, чѣмъ то было въ предшествовавшіе вѣка.... И тѣ, кто думаетъ, что всѣ эти революціонныя неистовства, какія мы переживаемъ, есть ни болѣе, ни менѣе, какъ періодъ борьбы народа со своимъ правительствомъ за политическія права, грубо заблуждаются.

(Смолен. Епарх. Вѣд.).

М. І. ГОЛОВКИНЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

Въ настоящее, столь трудно переживаемое русскою церковью, время нельзя безъ скорби смотрѣть, какъ ряды передовыхъ, испытанныхъ борцовъ за вѣру православную рѣдѣютъ. Неумолимая смерть 18 августа 1906 года совершенно неожиданно похитила образованнаго, талантливаго, умудреннаго продолжительнымъ опытомъ на миссіонерскомъ служеніи въ двухъ епархіяхъ, Симбирскаго епархіальнаго миссіонера Милія Іоновича Головкина. М. І. Головкинъ уроженецъ гор. Казани, гдѣ отецъ его состоялъ псаломщикомъ при одной изъ городскихъ церквей. Кому не извѣстно неприглядное служеніе „дьячка“, хотя и при городской церкви, соединенное съ разнаго рода лишеніями, бѣдностью и всякаго рода униженіями безъ надежды на лучшее будущее! Единственнымъ утѣшеніемъ этихъ беззавѣтныхъ служакъ прошлаго были твердая вѣра въ Господа Бога, любовь къ храму Божію и совершаемому въ немъ великому и святому дѣлу. Подъ руководствомъ своего родителя, г. Головкинъ и получилъ первое религіозное воспитаніе, которому и оставался вѣренъ до конца жизни.

Здѣсь-то, въ домѣ отца, почившій чаще всего видѣлъ людей простаго званія, бѣдныхъ, извѣдавшихъ въ жизни нужду и горе. Чистая душа отрока, при рѣдкой добротѣ характера, отражала получаемаыя впечатлѣнія и воспитала въ почившемъ горячую любовь и состраданіе къ меньшимъ братіямъ, научивъ любить народъ.

Въ Казани Головкинъ получилъ низшее, среднее и высшее образованіе въ духовныхъ школахъ, окончивъ академію въ 1888 году, съ званіемъ кандидата богословія. Въ томъ же году 16 декабря, какъ выдающійся по способностямъ воспитанникъ, онъ назначенъ былъ на одну изъ труднѣйшихъ семинарскихъ кафедръ преподавателемъ философскихъ предметовъ въ Оренбургскую духовн. семинарію. Русская натура народника нелегко мирилась съ отвлеченными философскими доктринами, требуя реальной дѣйствительности, а избытокъ умственныхъ и физическихъ силъ искалъ болѣе широкаго живого примѣненія. Къ немалому удивленію своихъ сослуживцевъ, въ началѣ слѣдующаго учебнаго года, М. І. Головкинъ, согласно прошенію, перешелъ на кафедру преподавателя обличительнаго богословія, исторіи и обличенія русскаго раскола, на кафедру такихъ предметовъ, которые какъ со стороны преподавателей, такъ и воспитанниковъ почетомъ далеко не пользуются, а тогда, въ 1889 г., по новости учрежденія самостоятельной кафедры по этимъ предметамъ, такъ на нее смотрѣли и въ особенности. Но молодой преподаватель мало обращалъ вниманія на взгляды другихъ, самостоятельно избирая то, къ чему онъ считалъ себя болѣе способнымъ.

Незначительное число недѣльныхъ уроковъ по указаннымъ предметамъ далъ возможность бывшему философу отдаться и другому любимому дѣлу, стать учителемъ пѣнія въ Оренбургской семинаріи, хорошо извѣстнаго ему съ одной стороны потому, что онъ съ раннихъ лѣтъ раздѣлялъ трудъ церковнаго чтеца и пѣвца со своимъ родителемъ, а съ другой потому, что, поступивъ въ духовное училище умѣющимъ пѣть, онъ не оставлялъ этого дѣла почти во все время уче-

нія, участвуя во многих хорахъ, кончая Казанскимъ архіерейскимъ.

Новый преподаватель исторіи и обличенія раскола быстро изучилъ свой предметъ настолько, сколько это требуется семинарской программой, воспроизвелъ въ памяти все то, чему учился у самого автора единственнаго тогда учебника по расколо-сектантству, извѣстнаго знатока русскаго раскола профессора Н. И. Ивановскаго. Разсматривая теперь предметъ съ точки зрѣнія преподавателя, г. Головкинъ скоро пришелъ къ тѣмъ выводамъ, что польза отъ изученія противораскольнической и противосектантской апологетики будетъ лишь въ томъ случаѣ, если пріобрѣтенныя познанія будутъ непосредственно приложены къ жизни. Преподаватель исторіи и обличенія раскола, по его взгляду, долженъ быть и миссіонеромъ; долженъ не только рыться самъ въ старопечатныхъ книгахъ, но и указывать вѣрный путь тѣмъ, кто по нимъ заблуждается. Для достиженія послѣдней цѣли Головкинъ сталъ искать случая знакомиться съ раскольниками, посѣщалъ ихъ дома, молельни, а нерѣдко зазывалъ ихъ и къ себѣ, читалъ вмѣстѣ съ ними т. н. старопечатныя книги, разяснялъ пререкаемые вопросы и, наконецъ, учился самъ отъ раскольниковъ, какъ слѣдуетъ вести противораскольническія бесѣды.

Такого рода дѣятельность его стала безъизвѣстна мѣстному преосвященному, который 30 марта 1891 года предложилъ Головкину занять должность Оренбургскаго епархіальнаго миссіонера, на что послѣдній охотно и согласился. Бесѣды новоназначеннаго миссіонера скоро возбудили самый живѣйшій интересъ какъ со стороны православныхъ, такъ и раскольниковъ. Гордые доселѣ, кичившіеся познаніями своими въ старыхъ книгахъ, раскольничьи говоруны на бесѣдахъ терпѣли неудачу за неудачей, оставаясь безотвѣтными. Не прошло года, какъ Господь послалъ рѣдко выпадающее на долю миссіонеромъ великое утѣшеніе: послѣ ряда бесѣдъ, проведенныхъ миссіонеромъ Головкинымъ, жители хутора Петропав-

ловскаго, Орскаго уѣзда, въ числѣ 280 душъ обоихъ половъ обратились изъ раскола въ православіе на правахъ единовѣрія. За это, въ видахъ поощренія къ дальнѣйшей полезной дѣятельности, Оренбургскій преосвященный преподаль Головкину въ установленной формѣ архипастырское благословеніе, а затѣмъ онъ Всемиловѣйше сопрячисленъ былъ къ ордену св. Анны 3-й степени. За усердные миссіонерскіе труды въ хуторѣ Самарскомъ въ 1895 году Головкину вновь преподано архипастырское благословеніе, и за отлично усердную службу онъ Всемиловѣйше сопрячисленъ къ ордену св. Станислава 3-й степени. Въ 1896 г. Головкинъ окончательно оставилъ службу по духовно-учебному вѣдомству, будучи 31 октября утвержденъ Св. Синодомъ въ должности общепархіальнаго миссіонера. Освободившись отъ постороннихъ обязанностей, онъ всецѣло предался дѣлу миссіи, разъѣзжая изъ края въ край по обширной Оренбургской епархіи и пресѣкая на каждомъ шагѣ вредную дѣятельность самыхъ извѣстныхъ передовыхъ апологетовъ раскола, какъ-то: О. Швецова (лжеепископа Арсенія), Кл. Перетрухина, И. Усова (нынѣ лжееп. Инокентія), Прокон. Тар. Иванова (противоокружническаго лжееп. Паанутія Саратовскаго), самозваннаго лжемитрополита Арвадія Бѣловодскаго и многихъ др. Противоборствуя расколу живымъ словомъ, Головкинъ боролся съ нимъ и путемъ литературнымъ, помѣщая статьи по обличенію раскола въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, въ газетѣ „Уралецъ“, издалъ нѣсколько брошюръ и противораскольническихъ листовъ, первоначально составлявшихъ предметъ чтеній на устроенныхъ имъ миссіонерскихъ курсахъ, бывшихъ въ 1894 году въ городѣ Оренбургѣ.

Какъ общепархіальный миссіонеръ, Головкинъ считалъ своимъ долгомъ вести бесѣды не съ одними только раскольниками, но и всякаго рода сектантами и особенно хорошо ознакомился съ мѣстной хлыстовщиной, обстоятельно изучивъ по архивнымъ даннымъ консисторіи исторію происхожденія

Оренбургскихъ хлыстовъ, ихъ бытъ и ученіе. Въ самый расцвѣтъ, можно сказать, столь широкой миссіонерской дѣятельности г. Головкина постигло тяжкое семейное горе: у его жены появились признаки роковой болѣзни чахотки. Послѣ продолжительнаго лѣченія на мѣстѣ, онъ долженъ былъ, по настоятельному требованію врачей, везти ее въ Крымъ, гдѣ она и скончалась, оставивъ двухъ малолѣтнихъ дѣтей. Само собою понятно, что обычный ходъ жизни миссіонера нарушился и не могъ не отразиться на самой его служебной дѣятельности. Вслѣдствіе семейныхъ обстоятельствъ явившіеся неизбѣжно по службѣ нѣкоторые недочеты вели за собою разнаго рода неприятности, а полное одиночество и неимѣніе вблизи ни одного родственнаго лица побудили Головкина перемѣнить мѣсто службы. Вблизи г. Симбирска, верстахъ въ 30-ти, въ заволжской сторонѣ Самарской губерніи проживаетъ отецъ его умершей жены. Побывавъ однажды у тестя и встрѣтивъ радушный пріемъ, любовь и сочувствіе къ маленькимъ сироткамъ, Головкинъ съ самымъ скорбнымъ чувствомъ отправился въ мѣсто своей службы и, подъ вліяніемъ убѣжденій родственниковъ, рѣшилъ подать прошеніе о перемѣщеніи въ Симбирскую епархію на меньшій сравнительно окладъ, куда резолюціею Симбирскаго епископа Никандра 22 марта 1901 года и былъ перемѣщенъ. Здѣсь, черезъ нѣсколько времени, ознакомившись съ состояніемъ раскола въ Симбирской епархіи и съ дѣятельностью противораскольнической миссіи, не безъ успѣха работающей съ 1857 года, Головкинъ встрѣтилъ громадную разницу противъ прежняго мѣста своего служенія. По бѣдности епархіи, извѣстные раскольничьи апологеты, всегда дорого стоящіе раскольникамъ за вызовъ на бесѣды, сюда являются сравнительно рѣже. Съ мѣстными же раскольническими паставниками и начетчиками съ успѣхомъ могъ бороться штатъ существовавшихъ уже миссіонеровъ и отчасти само приходское духовенство, въ большинствѣ изучившее обличеніе раскола въ семинаріи. Чув-

ствовались два недочета: это — недостаточность книгъ въ миссіонерской бібліотекѣ и нѣкоторая разрозненность въ дѣйствіяхъ миссіонеровъ и разнообразіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ по одному и тому же вопросу даваемыхъ отвѣтовъ, иногда доходившихъ до противоположности. Устраненіемъ замѣченныхъ недочетовъ миссіонеръ Головкинъ и занялся. На исходатайствованныя у епархіальнаго съѣзда духовенства деньги онъ выписалъ творенія св. отецъ въ русскомъ переводѣ, въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ онъ, между прочимъ, былъ однимъ изъ участниковъ производимыхъ тамъ ежегодно противораскольническихъ бесѣдъ, пріобрѣлъ нѣсколько рѣдкихъ подлинныхъ старопечатныхъ книгъ и раскольническихъ рукописей, покупая ихъ какъ въ книжныхъ лавкахъ, такъ и у самихъ раскольниковъ. Съ цѣлю достигъ единства дѣйствій миссіи онъ исходатайствовалъ передъ мѣстнымъ преосвященнымъ устройство временныхъ миссіонерскихъ курсовъ, бывшихъ въ г. Сызранѣ съ 29 іюня по 14 іюля 1902 года.

Послѣ ряда бесѣдъ, проведенныхъ имъ по преимуществу съ болѣе извѣстными расколоводцами, при объѣздѣ епархіи, Головкинъ увидѣлъ, что хорошо было бы усилить дѣятельность миссіи людьми, вышедшими прямо изъ народа, размѣстивъ ихъ не только по зараженнымъ расколомъ селамъ, но и по отдаленнымъ отъ приходскихъ храмовъ деревнямъ. Съ этою мыслью вполне согласились мѣстный епископъ и духовно-просвѣтительное братство св. Трехъ святителей, существующее при Симбирской духовной семинаріи; рѣшено было открыть въ г. Сызранѣ, какъ центрѣ раскола Симбирской епархіи, миссіонерскую школу, что исполнить и поручено было Головкину. Такимъ образомъ, онъ временно оторванъ былъ отъ исполненія своихъ прямыхъ обязанностей, будучи принужденъ переселиться на постоянное мѣстоительство изъ Симбирска въ Сызранѣ. За ненахожденіемъ подходящаго лица, ему пришлось завѣдывать миссіонерскою школою и быть въ ней преподавателемъ исторіи и обличенія раскола. Естествен-

но, что при такомъ положеніи дѣла миссіонерскія поѣздки его значительно сократились, и противораскольническія бесѣды имъ велись главнымъ образомъ въ г. Сызранѣ и близь лежащихъ селахъ. Въ Симбирскѣ онъ являлся разъ въ годъ, во время Сборной ярмарки, для веденія бесѣдъ съ пріѣзжими раскольниками, издавна заведенныхъ здѣсь сначала въ семинарской церкви, а затѣмъ перенесенныхъ въ Воскресенскую цер. г. Симбирска, какъ болѣе обширную. Совмѣщеніе завѣдующаго миссіонерскою школою съ должностью епархіальнаго миссіонера, какъ показали опыты, было признано неудобнымъ, и школа, давшая всего одинъ выпускъ, должна была закрыться, но все же, благодаря дѣятельности руководителя, изъ нея вышли полезные дѣятели на поприщѣ миссіонерства, и двое изъ окончившихъ полный курсъ учениковъ, по надлежащемъ испытаніи, преосвященнымъ Гуріемъ удостоены сана священника.

Освободившись снова отъ постороннихъ обязанностей, кромѣ веденія противораскольническихъ и противосектантскихъ бесѣдъ, М. І. вновь взялся за трудъ литературный, состоя постояннымъ сотрудникомъ противораскольническаго журнала „Православный Путеводитель“.

За усердную и полезную службу въ Симбирской епархіи Головкинъ былъ награжденъ орденомъ Станислава 2-й степени. Изъ литературныхъ трудовъ почившаго намъ извѣстны: „Первое и второе чтеніе на миссіонерскихъ курсахъ“ (въ г. Оренбургѣ), „Старообрядствующая лже-іерархія въ защитѣ О. Швецова“, „Вечеръ у субботниковъ“, „Раздоры и неурядицы среди раскольниковъ австрійской секты“, „Бесѣды о единовѣрїи“, „Очерки Оренбургской хлыстовщины“, „Церковь Христова вселенская безъ епископа не была и не будетъ“ (Замѣчанія на книгу Усова: „Церковь Христова временно безъ епископа“). Что касается самаго способа веденія миссіонеромъ Головкинымъ противораскольническихъ и противосектантскихъ бесѣдъ, то онъ на нихъ былъ самобытенъ и неподражаемъ:

всегда строго логиченъ, понятенъ для всякаго званія слушателей, въ высшей степени невозмутимъ, остроуменъ и находчивъ; никогда не нуждался онъ въ продолжительной подготовкѣ по составленію плана бесѣды, — планъ бесѣды являлся во время ея самъ собою; никогда не стѣснялся онъ въ выборѣ темы бесѣды, часто предлагалъ раскольникамъ самимъ выбирать вопросъ, по которому желали бы они побесѣдовать, и съ чего бы бесѣда ни начиналась, онъ скоро умѣлъ совопросника ставить въ невыгодное положеніе виноватаго, оправдывающагося. Излагая положительное ученіе Православной церкви по извѣстному вопросу, онъ могъ говорить нѣсколько часовъ къ ряду съ увлеченіемъ. Соотвѣтственно важности предмета, проповѣдь его была проникнута благоговѣніемъ, но въ то же время отличалась простотою, живостью и ясностью. Обличая несправедливость вѣрованій раскольниковъ, онъ говорилъ сильно и убѣдительно, основательно раскрывая ихъ заблужденія, причемъ второстепенныхъ доказательствъ, допускающихъ возможность пререканій, всегда избѣгалъ. Въ случаѣ, если совопросникъ во время бесѣды становился дерзокъ, хулилъ св. церковь, св. таинства, ея пастырей, онъ былъ беспощаденъ: цитировалъ въ обличеніе самыя рѣзкія мѣста, встречающіяся въ святоотеческихъ книгахъ, доводя собесѣдника до стыда и безотвѣтности. Последнее обстоятельство лица съ фальшиво приподнятою деликатностью, если такъ можно выразиться, незнакомыя съ наглостью апологетовъ новѣйшей школы, ставили миссіонеру Головкину въ недочетъ, но онъ предпочиталъ за лучшее для себя выслушивать упрёки отъ отдѣльныхъ личностей, кто бы они ни были, а всегда настойчиво стремился къ тому, чтобы тѣмъ или инымъ способомъ воздѣйствовать на массу. Конечно, послѣдняго вполне одобрить нельзя не вслѣдствіе сказаннаго — часто случается на многочисленныхъ бесѣдахъ, дабы не произвести соблазна, и поступать, иначе бываетъ невозможно, — а вслѣдствіе того, что нѣкоторые раскольники, убѣжденные въ своемъ безсиліи дать

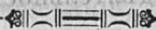
отвѣтъ, не рѣшались болѣе вступать съ нимъ въ бесѣду. Но несмотря на это, они же первые, узнавъ о его смерти, высказали самое искреннее глубокое сожалѣніе. Съ неменьшимъ сожалѣніемъ отнеслись къ смерти почившаго Милія Іоновича, добраго, отзывчиваго и незамѣнимаго собесѣдника, всѣ знавшіе его въ г. Симбирскѣ. Особенно печалуются о немъ бывшіе его ученики Сызранской миссіонерской школы, видѣвшіе въ немъ не только руководителя по дѣламъ миссіи, но и ходатая предъ епархіальнымъ начальствомъ. Узнавъ о его смерти, несомнѣнно пожалѣвъ его и Оренбургская епархія, откуда всего за недѣлю до рокового дня поступило официальное предложеніе отъ дѣлаго съѣзда епархіальнаго духовенства, утвержденное Оренбургскимъ преосвященнымъ, — снова вернуться на миссіонерскую службу въ Оренбургскую епархію съ жалованіемъ въ 3000 рублей, при помощникѣ миссіонера, получающемъ 2000 рублей. Это извѣщеніе было какъ бы предсмертною радостью для почившаго, послѣднимъ словомъ въ отпѣнку его дѣятельности, какъ миссіонера. Предстоялъ выборъ: итти на призывъ, или нѣтъ? Рѣшеніе изрекъ всемогущій Промыслъ Божій. Въ 1-мъ часу утра 18 августа М. І. легъ въ постель повидимому совершенно здоровымъ, но не болѣе какъ черезъ полчаса почувствовалъ себя крайне плохо и перешелъ въ болѣе теплое помѣщеніе. Здѣсь рвотою начался припадокъ грудной жабы. Больной просилъ послать за священникомъ и врачомъ. Испугавшаяся прислуга впередъ пригласила врача, къ приходу котораго наступило временное облегченіе; врачъ ничего опаснаго не нашелъ, успокоилъ больного и прописалъ лѣкарство. Передъ тѣмъ временемъ, когда лѣкарство было принесено, больной почувствовалъ снова себя хуже, однакожь лѣкарство принялъ, всталъ съ постели, четыре раза перекрестился, прочиталъ вслухъ „Отче нашъ“ и со словами „что будетъ“ легъ въ постель и скоро окончилъ расчетъ съ жизнію.

Часъ пробилъ, уста проповѣдника смолкли, земная жизнь

кончена, душа отлетѣла и изъ по-ту-сторонняго міра потребу-еть лишь одного—молитвы, и мы уповаемъ, что исполнятся надъ почившимъ слова апостола: „яко обративый грѣшника отъ заблужденія пути его спасеть душу отъ смерти и откроеть множество грѣховъ“ (Іак. V, 20). Чинъ погребенія совершенъ протоіереемъ Симбирскаго кафедральнаго собора С. С. Медвѣдовымъ съ городскимъ духовенствомъ въ Воскресенскомъ храмѣ, въ которомъ одномъ только изъ церквей города раздавалось слово убѣжденія почившаго къ заблудшимъ братіямъ.

Двѣ родныя маленькія ручки круглыхъ сиротокъ бросили на гробъ дорогаго отца маленькія горсточки земли, но большой могильный холмъ образовали тѣ, которыхъ любовь къ почившему въ большемъ числѣ, не смотря на дурную погоду въ день похоронъ, собрала къ мѣсту послѣдняго упокоенія раба Божія Мілія.

Свящ.-миссіон. *Алексій Сокольскій.*

Н. В. ПОГРАНИЦКІЙ.

(НЕКРОЛОГЪ).

17 сентября въ Симбирской духовной семинаріи покончилъ жизнь самоубійствомъ преподаватель философіи Николай Васильевичъ Пограницкій-Сергіевъ.

Побойный родился въ Новгородской губ. въ 1878 году. Ему было всего 8 лѣтъ, когда отъ холеры умеръ его отецъ, священникъ, послѣ чего его мать осталась съ двумя мальчиками, изъ которыхъ Николай Васильевичъ былъ старшимъ, совершенно безъ средствъ. Всѣ ея надежды сосредоточены были на дѣтяхъ, особенно на старшемъ, который долженъ былъ ранѣ брата кончить ученіе и поступить на службу. Мальчикъ сразу сталъ отлично учиться и своими выдающимися способностями обратилъ на себя вниманіе учителей еще въ духов-